

Если в твоей душе осталась хоть
одна цветущая ветвь, на неё
всегда сядет поющая птица

Китайская пословица.

Многие великие умы пытались разгадать тайну поэзии, но окончательно дать полное определение всей её сути, как и значению любви, никому ещё не удавалось, ведь каждый поэт привносит в мир что-то свое, глубоко индивидуальное. Размышляя о современной поэзии, мы обращаем внимание и на изменившуюся информационную среду, которая активно переделывает человека, стремясь лишить его нравственных ориентиров.

Поэтические произведения Татьяны Жилинской как раз противостоят разрушительной лавине обесмысливания нашей жизни, потому что они отличаются высокой культурой воспитания чувств. Существует феномен инаковости, присущий отдельным авторам, который находит отражение в их особом отношении к жизни и творчеству. Вот и у Татьяны Жилинской нет прямых отголосков чужих мелодий, ты веришь её исповедальной искренности. Татьяна Геннадьевна автор поэтического сборника «Двое». Не секрет, что все создания в чём-то похожи на своих творцов. И энергетическая нить творчества ткёт удивительный узор на полях жизни, ускоряя её темп и высвечивая живой архетип художника слова:

Пробегала мимо жизнь, подобрав подол... / С позабытых пустырей доносилось: «Гол»!

С позаброшенных дорог, резко пахла пыль / И торчал среди двора печки жжённый киль.

Мгновенно увлекает ярчайшая образность и ритмичность, подобное «созидание прекрасного посредством ритма» привлекало и писателя Эдгара По, тяготеющего к романтизму. Стихи Татьяны Жилинской напоминают киноленту, образно воскрешающую забытые кадры былого:

Две игрушки на скамье, кукла да медведь. / Польку мне не танцевать, песенки не петь.

Где-то детский голосок, в горле горький ком. / Пробегала мимо жизнь, просто босиком.

Её поэзия располагает к стихотворно-песенному прочтению, открывая новые измерения искусства. Музыка и поэзия всегда были неразрывны. И для Татьяны Жилинской это великое единство двух сущностей – главная составляющая её творческой судьбы. Не могут не волновать динамичные строки, обаяние которых невозможно до конца вербализовать, такое в них невероятное жизнелюбие, такая изящная музыкальность:

Три мелодии тоски – скомканый бемоль, / Диссонансом на полях жалкая триоль.

Ключ скрипичный, до диэз, интервалов фарш, / Пробегала мимо жизнь, сочиняя мари.

Жизнь и творчество, как по нотам, расписаны в этих стихах. И её лирическая героиня, эмоциональная, волевая и решительная, ненавязчиво напоминающая о своём присутствии, очень похожа на самого автора.

Татьяна Геннадьевна Жилинская дипломант и лауреат многочисленных международных фестивалей и конкурсов в области литературы. В 2017 году она стала победителем первого полуфинала фестивального движения «Осиянная Русь» в номинации «Песня». Ей удаётся уникально сочетать многогранные таланты и поэта, и барда, и режиссёра, и актрисы, занимаясь при этом научной и преподавательской деятельностью в Белорусском государственном педагогическом университете.

Развивая жанр авторской песни, Татьяна Жилинская создаёт собственные литературно-музыкальные композиции, раскрывающие песенные возможности слова. Не будем забывать, что

поэзия – душа истинного искусства: музыки, живописи, скульптуры, пластического танца. Там, где нет её дуновения, искусство мертво. Поэзия охватывает все сферы нашего бытия, талантливо воссоздавая разнообразные виды искусства.

Особенно выразителен певучий голос поэтессы, когда она говорит о любви. Звучит прекрасное соло женской души, трепетной и нежной: *«Каждый день / Мучительно, несносно / Про себя твержу одну строку: / «Прислонись ко мне!» / Повсюду осень / На траву, на крыши, венценосно / По листку роняет, по листку»*. Сливаются властные стихии души и глагола, плавно переходящие в интенсивный рефрен, чувственный и повелевающий: *«Прислонись. / В манящем страстью теле, / Совладелец множества безделиц, / Ты ведущий, ведом и ведом. / Прислонись...»* Усиливается эмоциональное напряжение, будто идущее из далекой глубины веков, чтобы выплеснуться в заключительном аккорде: *«Прислонись ко мне... и все такое – / Крепостное, дикое, мужское... / Прислонись... / и вылечиишь меня»*. На антитезе, контрастных парадоксах построено стихотворение «Солги мне правду»: *«Любимый мой, пожалуйста, солги мне. / По жалости и ласке – ностальгия. / И никому не верь, что время лечит... // Солги мне правду – / В правду я поверю»*. Ты принимаешь эти выстраданные строки, потому что они словно написаны о тебе и для тебя.

Пронзительны своей исповедью и стихи «Знаешь», так схожие с городским романсом. Лирическая героиня изливает любимому всю душу, и струятся лирико-философские признания, пронизанные таинственной романсовостью: *«Знаешь, и правда, десяток конфет шоколадных / Скушать спеша, да забыть, что февраль – бесконечен... / В разных накидках: досадных, парадных, нескладных – / Я торопилась, стремилась, спешила беспечно, / Вот и успела – сломать непостроенный мир... // Знаешь, прости за один непродуманный миг... // Знаешь... ты знаешь... ты всё обо мне слишком знаешь...»* В стиле песенной баллады написано проникновенное произведение «О них»: *«Не на день расставались – на миг, что зовётся жизнь...»* – этот миг бесконечности проходит через всю поэзию Татьяны Жилинской, преодолевая время и расстояние. Благодаря заданной высоте чувств, чёткой и выверенной поэтической тональности, личная жизнь здесь приобретает общечеловеческое звучание, когда история отдельной судьбы не опускается до мимолетной, проходящей ситуации, а без пафоса и надрыва возводится в ранг драматической исповеди. *«Не клялись, но смотрели... Смотрели в одно родство... / Боже, Боже – за что Ты не дал им один порог? / Так – и тысячам братьев, сестёр ... не дано / любить...»* – извечная мольба или молитва всех влюблённых, обречённых на одиночество. Почему? За что? Возможно, испытания, что посылаются нам Свыше, должны укрепить в нас не только земную любовь, но и указать путь к любви вечной, где всё будет иначе? Кто знает... В Библейской книге Песнь Песней есть замечательные слова: «Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют её. Если бы кто давал всё богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презреньем» (Песн. 8:7). А в Новом Завете говорится так: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Иоана 4:8).

Многие стихи Татьяны Жилинской исполнены пленительного очарования, тёплого участия и ласки, их можно петь на одном дыхании, непринуждённо и задушевно. Произведение «Если ты меня забудешь» поражает противоречивостью и неожиданностью переживаемых ощущений: *«Если ты меня забудешь, что-то мы пропустим в жизни, / Что-то нас обгонит снова на доступном выраже... // Это время – будет нашим. Мы с тобой вдвоём узнаем / То, что с нами, вероятно, так и не произошло»*. Предмет любви заполняет тебя всего, и ты не спутаешь тонкий художественный почерк автора ни с каким другим, ведь в поэзии Татьяны Жилинской выразительно проявляется её артистичная женская натура, изъявляющая волю побеждать. И её «сумасшедшее «любить» поднимает нас над бренностью бытия, придавая совершенно иную окраску осязаемой реальности. «Жизнь получает своё богатство от мира; цену даёт ей любовь», – мудро считал и Рабиндранат Тагор, веря ветхозаветным истинам.

Прародительницей всех времён является любовь. Песенные произведения Татьяны Жилинской, словно рифмуют любовную боль, а поэтическая партитура вбирает в себя невероятную концентрацию боли, как в стихах «Болезнь» и «Покаянное». Лирическая героиня выпевает извечную женскую тоску, безысходность, бездолье страстей, в её горестной мелодии слышится и народная мечта о счастье. Помните известный цветаевский бабий стон: «Мой милый, что тебе я сделала!» Метафорично и крайне неординарно представляет тему и Татьяна Жилинская: *«Извини, родимый мой, не смогла / Ни подиить подол, ни найти ключи... // Что теперь, растерянный, что теперь... / Извини, что го-*

лоса – не подам... / Ни найду ключи, ни открою дверь, / Не сошью наряд, а останусь там» («Игла»). В народных сказках игла олицетворяет неодолимые чары, «на конце иглы» затаилась смерть, но ещё игла означает и веру, победу над злыми силами. «Так зачем нашёл... Колко... извини... / Крепко в пальцах сжал, до чего – красив! / Прямо в сердце, знаю, теперь вонзишь / Из последних сил, из последних сил...» – таков финал этого своеобразного поединка, противоборства двух начал, у которого издревле не было победителей.

Обращается Татьяна Жилинская и к фольклорным традициям, в её стихах встречается отчётливая песенная рифма, характерная для частушки. «Я молилась мыслям умным, / А в итоге – грешная... // Я хотела песен честных – / А достались – вольные... // Я искала правды сладкой, / А нашла – лишь горькую... // Я спасала чью-то душу, / А свою – посеяла», – текст выстраивается на противопоставлениях, на абсолютно верной интонации, где героиня подчас отрывиста, даже резка («Я слова стелила тихо»). Есенин, к примеру, начинал писать первые стихи, подражая частушкам. А Белинский, говоря о русской народной песне, прежде всего выделял её музыкальное звучание, а отнюдь не содержание, когда песня в большинстве своем подчинена ритмам, мотивам. В основе лирического и музыкального произведения есть нечто общее – сильная эмоциональная составляющая. Впрочем, и Татьяна Жилинская отдаёт тексты во власть песенной стихии, порой не конкретизируя ясности высказываний, допуская некую смысловую незавершенность, а в некоторых моментах наоборот излишне детализирует многочисленные подробности, когда за внешним антуражем теряется внутренний мыслеобраз. Отсюда, видимо, и длинные стихотворные формы, к которым она тяготеет, хотя лирическое произведение должно быть по возможности кратко, что подтверждают и лучшие образцы поэтической классики.

Однако надо признать, поэтесса смело использует народное слово, всевозможные обороты речи, колоритные выражения, расширяя границы русского языка, иногда встречаются в её стихах и белорусизмы, как результат взаимного соприкосновения наших литератур. У Татьяны Жилинской свои точные интонационные ходы, свои сюжетные инсценировки, в чём-то напоминающие самобытные мини-этюды, поэтому написанное ею никогда не станет бесцветным, вялым. Насыщенными образами, сочными красками, мистерией озорства переполнена её «Шальная осень», щедро рассыпающая последние сокровища и торжествующая во всём «урожайном» блеске, осень, собирающая и дарящая божественные плоды, совсем не боясь, «процвести и умереть», как сказал когда-то известный поэт. Слепяющее изобилие образов, которое поглощает тебя всего, ты словно растворяешься в нём, заключают в себе и стихи «Простое желание», рисующие яркие приметы той земли, где прошло детство, светлые приметы малой Родины. Есенин, когда был увлечен имажинизмом, наполнял стихи множеством образов – прямых и переносных, – но потом понял, что надо писать так, как это гениально удавалось Пушкину, лаконично, просто и ясно.

Увертюра обострённого одиночества пронизывает стихи «Невстреча», отражающие взгляд современной женщины на окружающий мир и непосредственно на себя, которой не откажешь в утончённом артистическом чутье. «Сквозняки по переходам цекотали сонный город, / Просыпались банкоматы, глупо фыркало / метро. / Осторожно крались тени чьих-то вкрадчивых / эмоций, / Пряча лица, пряча взгляды, запихнув себя в / пальто...» – перед нами конкретная, узнаваемая действительность и одновременно какие-то таинственные, далёкие и отстранённые фантазии. Лирическая героиня Татьяны Жилинской сроднилась со своим городом, это тоже черта человека третьего тысячелетия, созвучного технократической эпохе. И поэтесса вписывает авторскую песню не только в литературный контекст, но и в архитектуру любимого города, вселяя и нам оптимистическое мироощущение. Тот или иной город проще понять именно через поэзию и песню, вдруг увидев его не только в привычном и обжитом пространстве, а представив и в пространстве вселенной:

Весна! Мой город окна моет, / Латает трещины по крышам...

.....

Тебе идёт модельный галстук / Харизматичного проспекта.

Его ритмичность темпов, гам, стук... / Мой город, ты рождён поэтом!

Разбей бульвары на катрены, / Сложи бордюры в дифирамбы!

Диктуй дворцовые рефрены / Своим стеклобетонным ямбом!

Рифмуй театров страстный трепет / С целебным гулом перезвонов!

Родной мой, ты великолепен! / Весенний! Вымытый! Влюблённый!

Город – это тоже личность, и «*нужно принимать город в имидже*», это столица, вызывающая целую гамму невыразимых чувств, переполняющих каждого, кто обязан ей единственным счастьем.

Татьяна Жилинская, обладая исключительным художественным вкусом, постоянно находится в поиске новых идей и впечатлений, что помогает ей постигать не только день сегодняшней, но и скрытую природу вещей, предметов, ведь вещи могут поведать о человеке больше, чем он сам. Наши вещи всё помнят, потому что они живут гораздо дольше нас...

*Из-под сколов и обломков время вылезло наружу.
Беспокойной мелкой дрожью память ёжилась, ворчала.
Я всего лишь чищу кружку, я всего лишь мою кружку,
Допотопную жестянку, у которой нет начала.*

Как быстротечна жизнь! И как неповторимы люди! Во все века только незначительные, на первый взгляд, бесполезные вещи и были необходимы человеку больше всего! Обычная кружка дорога как память детства, она хранит родовое тепло очага, тепло маминых согревающих рук:

*Я её отчищу, всё же, подождёт посуды племя,
Вид для свалки, он абсурден в современной амплитуде.
Ведь по сколотой каемке здесь моё застыло время.
Я не знаю про начало, но при мне – конца не будет
(Кружка).*

Наше прошлое глядит нам в глаза, и в старой чашке отражается время, соединяя всё воедино, и мир предстает как целое, подчиняясь философским законам.

Татьяна Жилинская неподражаемый мастер сюжета. Ну что, казалось бы, могут значить обыкновенные, бессменные тапки, давно превратившиеся в повседневный и ритуальный атрибут наших будней? Автор создаёт психологичные миниатюры, навеянные социально-бытовыми мотивами, ведь иные вещи долговечней людей. В них сокрыта какая-то загадка, в них часть нас самих, нашей сущности: «*Кто первый вставал – того и тапки. / И тапки тоже это знали. / Они повсюду успевали... // Горит свеча, то дело – капнет, / Как жизнь, весьма, непостоянна. / Заснула трепетная Анна, / Не снят истрепанные тапки...*» Оригинальная повесть-спектакль разыгрывается и в произведении «Пружины», наполненном живыми звуками, где каждая мельчайшая деталь одушевлена, интимна. Не дают покоя ключевые слова-метафоры: «*Пружины стонали, пружины скрипели...*» – а ведь, наверняка, и в каждом из нас есть эдакая пружина, что натягивается, подобно гитарной струне, готовой порваться в любой момент, как рвутся нервы, от накала эмоций. Настоящие шекспировские страсти, когда можно, подняв октаву, дойти до трагико-драматической ноты, а снизив, получить комедию. Такова наша жизнь. Призрачны и нечетки её пограничные состояния.

Взаимосвязь явлений, тематические и событийные пересечения, сопряжённые с философским поиском истины, всегда волновали поэтов. «*Время приходит, и... нет больше времени. / Грани размыты, обижены замыслы. / Прошлое тёплым дыханием греет мы: / Что-то осталось нам... Что там осталось нам...*» – пытается постигнуть глубину нравственных категорий и Татьяна Жилинская («*Тайной испуганы*»). Человечество не пришло к высшей истине прозрения, а пока это не случилось, то неумолимы и слова Книги Экклесиаста. «*Всему свое время, и время всякой вещи под небом. / Время рождаться, и время умирать... / Время разбрасывать камни и время собирать камни*», – вот неизбежный итог бытия, повторяющийся в вечном круговороте вселенной и человека. И если поэт оставляет нам надежду, то библейский Проповедник преподносит лишь суровый и горький урок.

Натуралистичностью происходящего, мистической метафоричностью завораживают стихи «Тайна спасения», которые остро и зримо напоминают красочную образность поэзии Павла Васильева. И Татьяна Жилинская беспощадна даже к себе, потому что страшен «*наследственный вопль творцу*», и всё предсказуемо и неизбежно, судьба предreshена, когда «*вывернув наизнанку и душу свою и плоть, / покличет тебя, как мамку, – одеться, подстричь, помочь...*»

Автор стремится к широким философским обобщениям, настраивая камертон души на высокие звуки лиризма. Андрей Платонов был убеждён, что «*писать нужно не талантом, а прямым чувством жизни*». Вот именно такими и получились её волнующие и откровенные стихи «Баба Нина и баба Валя», задевающие живые струны души. «*Побудьте со мной, отдохните немного. / С трудом добрались до земного порога. / Путь был непростым из-за облачной дали, / Скажи, баба Нина, скажи, баба Валя?*»

– частные жизнь и судьба здесь приобретают всеобщие черты, и весь смысл в том, пока мы помним наших близких, мы вечны. И будто последним аккордом, «жемчужной росинкой» упали «слеза бабы Нины, слеза бабы Вали». Приходит невольно красивое сравнение: жизнь, как капля божьей росы.

«Прекрасное заключено лишь в правде», – говорил Фридрих Шиллер. В правде оставаться собой, не забывая свои истоки, не предавая кровных корней, видит внутреннюю суть человека и Татьяна Жилинская. Она возвращает нам давнее, забытое, подобный «Луг» был первой школой детства для многих из нас: «Здравствуй, луг, благодарствуй за этот день, / За роскошный дизайн из твоих ковров! / За зеленую пристань, за аромат, / За привычку вкушать, сохраняя миг. / Знаешь, ты – удивительный дипломат / Очень многое в нас, дураках, постиг. / Ну, а как по-другому, придёт черед – / Мы в тебе прорастём муравой-травой... / И узнаем вселенной твоей полёт...» – знакомые доверительные интонации ложатся на сердце. Поле, приволье, свобода, простор и безграничность времени, что отражается в медленно плывущих над лугом облаках. Бескрайние дали, когда время и пространство перетекают друг в друга... Возникает гармоничное чувство единства – природы и человека, – экологическое соединение их душ. «Широкое тело травы», словно вторя Татьяне Жилинской, воспевае и замечательный русский поэт Александр Образцов: «Я нем, как валун, в этом многоголосье и тьме, / Я вижу рождение и плен, так отчетливо вижу, / Что кажется, жизнь сновиденьем в воздушной тюрьме. / Но я возвращусь. И тогда я траву не обижу». Неиссякаемую энергию творчества излучает поэзия, таящая в себе гениальную простоту и скромное совершенство, удивительным образом помогая каждому придумывать и свой мир, и свой рай на земле.

Набоковская «страстная энергия памяти», что заставляла звучать его «партитуру былого», не даёт и Татьяне Жилинской завершить начатый концерт, и она пишет его вновь и вновь, пишет чудные мелодии из собственной памяти и не только нотами, но и словами, порой не ожидая «больших гарантий» даже от песен, пишет неистово и обнажённо: «На границе, там, где память правит правдою и ложью, / Между ноликом и точкой на истерзанной странице». Её лирическая героиня балансирует на пограничье чувств, эмоций и страстей, на тонкой грани между придуманным и настоящим, где нет середины. Поэзия не терпит частых сравнений. «Мне не нужна сестра по крови, / Я не приемлю жертв напрасных... / Смотрите – чёткий иероглиф... / Созвучье рифм, согласных, гласных... / Вот так рождаются поэты! / В среде великих несчастливых», – скажет Татьяна Жилинская в стихах «Рождение поэта. Автор иронична, иносказательна и в то же время за лёгкой иронией скрывается скромность, когда она озвучивает такие строки: «Настроен самый трепетный регистр / Поэта, римфоплёта, графомана...» Талант актера позволяет ей чередовать и мажорные и минорные ноты, и всё-таки основное её амплуа – утверждать возвышенное и прекрасное. Несмотря на музыкальный дар, всё явственней думается, что эстетическое предпочтение Татьяна Жилинская отдаёт поэзии. Сегодня она находится на пике творческого подъёма, талантливо сочетая в литературно-художественном искусстве различные стили и жанры, удивляя всех многомерностью поэтического видения.

Главное в поэзии, искусстве, культуре – мысль о человеке, его душе. Российский писатель и критик Нина Ягодинцева, выступая на одной из гуманитарных конференций, освещающих текущий литературный процесс, назвала свой доклад «Культура высокого напряжения». Данное определение очень точно и ёмко характеризует творчество Татьяны Жилинской, произведения которой в большинстве своём – нетипичны. «Спасительный яд творческих противоречий», сводивший когда-то с ума Марину Цветаеву, спустя более полувека, не покидает и её, и длится, длится этот восхитительный миг бесконечности, такой мучительный и сладостный:

*Нельзя её спасти – и падает в ладони
Бескрылым мотыльком наивная мечта.
Чуть-чуть знакомых нот в ранимом баритоне,
А дальше – лёгкий вздох...*

*И снова суета
Предвыборных столиц, пропущенных вокзалов,
Приличных пантомим и неприличных слов...*

*Её нельзя спасти, прости – она упала.
Оставив о себе обрывки сладких снов*

.....
*Притих внезапно мир простых противоречий,
Стремясь запомнить миг – падения мечты.*